

DOI: 10.25178/nit.2022.1.9

Статья

Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков

Елена И. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Алексей С. Алёшин

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Российская Федерация

В статье рассматриваются пословицы и поговорки компаративной структуры о членах семьи, родственниках в тувинском, шведском и русском языках. В каждой лингвокультуре существуют национально-маркированные образы сравнения, обусловленные историей, хозяйственно-бытовым укладом, системой ценностей народа. Различается и структура паремий, вербализующих идеи традиционной культуры в каждом из трёх рассматриваемых языков.

Источники исследования: сборник Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020), словарь В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1984), словари шведских паремий П. Хольма (1984) и Ф. Стрема (1929).

Выявляются типичные модели пословиц, отражающие способ мышления народов-носителей соответствующих языков, специфика при сопоставлении субъекта и объекта сравнения, используемые слова-реалии, зоонимы и другие образы сравнения. Для тувинского языка типичными являются паремии четырёхчастной структуры, описывающие преимущественно распределение функций матери и отца в семье. Сопоставление-уподобление членов семьи осуществляется с помощью образов традиционных для тувинцев животных, образов орудий труда и атрибутов хозяйственной жизни. Для паремий русского языка в большей степени характерно сравнение через противопоставление. В шведском языке обращают на себя внимание пословицы с рядоположенностью нескольких субъектов сравнения. Шведские компаративные паремии более категоричны за счет преобладающего эксплицитно выраженного сравнения. Тувинские паремии в отличие от русских преимущественно характеризуют кровных родственников.

Общие когнитивные о ценности детей в семье и роли родителей совпадают в паремике трёх языков. Частными этноспецифичными когнитивными являются «особая взаимосвязь отца и сына» в тувинских паремиях, «дочь — чужое сокровище» в русских и «воспитание детей в строгости, для того чтобы родителям не пришлось стыдиться в будущем» в шведских единицах.

Ключевые слова: паремия; компаративная структура; тувинская паремия; русская паремия; шведская паремия; тувинцы; русские; шведы; тувинский фольклор

Для цитирования:

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 131-145. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Тел.: +7 (921) 995-46-40. Эл. адрес: e.i.zinovieva@spbu.ru

Алёшин Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Адрес: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, к. 1. Тел.: +7 (911) 220-13-45. Эл. адрес: alexis001@mail.ru

ZINOVIEVA, Elena Innokentievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11 Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 995-46-40. Email: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6253-9739

ALYOSHIN, Alexey Sergeevich, Candidate of Philology. Assistant Professor and Head, Department of foreign languages, Faculty of Social Digital Sciences, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications. Postal address: 22 Prospect Bolshevikov, 193232 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 995-46-40. Email: alexis001@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6058-8844

Article

The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages

Elena I. Zinovieva

Saint Petersburg State University, Russian Federation,

Alexey S. Alyoshin

The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russian Federation

The article deals with proverbs and sayings of a comparative structure about family members and kinfolk in Tuvan, Swedish and Russian. Comparison is a universal method of cognition; however, in every linguistic culture nationally-marked images of comparison do exist. They are conditioned by history, economic life, and the system of values. The structure of the paremias that verbalize the ideas of traditional culture in each of the three considered languages is also different.

For sources of our study, we have chosen B.K. Budup's collection "Proverbs and sayings of the Tuvan people" (2020), V. I. Dahl's "Proverbs of the Russian people" (1984), and Swedish paremiological dictionaries by P. Holm (1984) and F. Strom (1929).

The article examines the typical models of proverbs, reflecting the way of thinking of native speakers of each of the languages, the roles of the subject and object of comparison, words referring to the objects of life, zoonyms and other images of comparison. For Tuvan language, typical are paremies of a four-part structure, which mainly reflect the distribution of maternal and paternal functions in the family. Comparison and imitation of family members is carried out through words referring to animals common for Tuvan culture — the horse, the camel; tools and attributes of economic life — the knife, the flint, the needle. In Swedish language, proverbs typically feature several subjects aligned together, while comparison through opposition is more characteristic of the paremias of the Russian language. Swedish comparative paremias sound more categorical due to the prevailing explicit comparison. Tuvan paremias, in contrast to Russian ones, mainly characterize kinfolk (blood relatives).

The general cognithemes concerning the value of children in the family and the role of parents coincide in the paremies of all the three languages. Among private, ethnospecific cognithemes are "the special bond between father and son" in Tuvan paremies, "a daughter is someone else's treasure" in Russian paremiological units, and "raising children in strictness so that parents do not have to be ashamed in the future" in Swedish ones.

Keywords: paremies; comparative structure; Tuvan paremies; Russian paremies; Swedish paremies; Tuvans; Russians; Swedes; Tuvan folklore

For citation:

Zinovieva E. I. and Alyoshin A. S. Sem'ia v komparativnykh paremiiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 131-145. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Введение

Паремии каждого национального языка закрепляют ментальные процессы когниции народа-носителя языка. В когнитивной лингвистике в последние два десятилетия проводится анализ паремий как формы представления знаний народа в языке (Серегина, 2016); паремии изучаются с точки зрения зафиксированных в них «образных когнитивных формул» (Зевахина, 2002), с позиций когнитивной лингвистики исследуются пословицы с определенным компонентом (Галимуллина, Шаймарданова, 2018); исследователей также интересует лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий (Семененко, 2010).

Изучение картин мира различных народов (тувинской, русской и шведской) в аспекте когнитивной лингвокультурологии, предпринимаемое в данном исследовании, представляется актуальным и наиболее перспективным, поскольку позволяет выявить общие и этноспецифические черты паремиеологических текстов. В рамках данного направления выполнен анализ тувинских паремий различных тематических групп на европейском паремиеологическом фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Устойчивые выражения компаративной структуры исследовались на материале русского и шведского языков (Алёшин, Зиновьева, 2020).

Концепт «семья» является универсальным для всех национальных языковых картин мира, он широко отражен в пословицах и поговорках различных народов. Но наряду с общими когнитивными, вербализованными во многих национальных паремнологических картинах мира, выделяются частные когнитивные, присущие конкретному этноязыковому сознанию, обусловленные традиционным укладом быта, историей народа-носителя языка, природными особенностями проживания народа. Понимание родства, родственников, их иерархия, связанная со складывавшимися веками социальными отношениями, различны у разных этносов, что находит отражение и в паремиях. Образы родственников исследовались в пословичных картинах мира русского и якутского языков (Борисова, 2017), на материале паремий английского, турецкого и татарского языков анализировались концепты «семья» и «родня» (Биктагирова, 2006, 2007), а пропозициональный фреймовый анализ семантики пословиц был проведен на материале фрейма «отец-сын» в русской и китайской паремике (Лихун, Абдуллаева, 2020). Концепт «родственник» в языковой картине мира тувинцев являлся объектом анализа на материале словарей и художественных произведений (Кужугет и др., 2019).

Компаративные паремии или паремии компаративной структуры — это пословицы и поговорки, эксплицитно или имплицитно содержащие сравнение. Компарация как когнитивная операция универсальна, но в силу особенностей менталитета народа-носителя языка она может быть выражена различными способами. Новизна исследования заключается в том, что лингвокультурологическое исследование тувинских компаративных паремий о членах семьи в сопоставлении со шведскими и русскими единицами проводится впервые.

Целью данной статьи является выявление этноспецифичных черт в компаративных паремиях тувинского, русского и шведского языков с последующими выводами об общих и своеобразных характеристиках. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить типичные структурные паремийные модели, отражающие ментальные когнитивные процессы этнического языкового сознания; определить наиболее характерные когнитивные, вербализуемые паремиями всех языков; выделить часто используемые образы и их мотивированность. В статье используются методы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа.

Источниками исследования послужили: сборники «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹ и «Пословицы русского народа»², словари шведских паремий П. Хольма³ и Ф. Стрёма⁴.

Тувинские компаративные паремии о членах семьи

Методом сплошной выборки из сборника Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа» нами была отобрана 51 паремия о членах семьи и родственных отношениях.

Структурную классификацию отобранных единиц можно представить следующим образом.

1. С точки зрения логико-семантической организации, в компаративных тувинских паремиях о семье явно доминирует эксплицитно или (намного реже) имплицитно выраженное уподобление. Уподобление основано на образном параллелизме.

1.1. Сравнение через уподобление в четырехчастной структуре.

В паремиях о семье этот тип уподобления является самым частотным (32 единицы): *Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык*⁵ 'Матери дети дороги, охотнику — соболю'; *Аң түрээнде, турлаам*

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-составитель Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. В связи с тем, что как писали М. А. Бредис и др., данный сборник содержит множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык (Бредис и др., 2021: 145), в ряде случаев переводы уточнены или даны из сборника: *Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки* / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976.

² Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в двух томах. М.: Художественная литература, 1989.

³ Holm P. «3530 ordspråk och talesätt. Stockholm: Bonnier fakta. 1984.

⁴ Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm: Bokförlaget Prisma. 1929.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-составитель Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

дээр, кижиг түрээндэ, төрелим дээр ‘Зверь в беде к тайге стремится, человек в беде к родне тянется’¹; *Авт өлүр*, — *баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар* ‘Конь падёт, коновязь останется, отец умрет, сын останется’²; *Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр*³ ‘Половодье размывает переправу реки, сплетня портит невестку и др.

Данные тувинские паремии представляют собой сложные предложения с бессоюзной связью. Уподобление с противопоставлением можно наблюдать в следующих паремиях: *Иезин «инээм» дээр, адазын «аьдым» дээр* ‘Мать сравнивают с коровой, а отца — с конем’⁴; *Даг көргенде, бөрү омак, даай көргенде, чээн омак* ‘Радуется волк, в родную чащу глядя, а племянник рад, на дядю глядя’⁵. В данном случае в переводе на русский язык используется противительный союз «а», акцентирующий противопоставление отца и матери, волка и племянника.

Эксплицитность уподобления может усиливаться благодаря использованию соотносительных местоименных наречий, в русском переводе это передается конструкцией «где... там, куда... там»: *Даш каган черинге чыдар, кыс берген черинге олулар*⁶ ‘Куда камень бросил — там он и лежит, куда ты отдал дочь — там век ей жить’⁷.

Уподобление логически может быть выражено условием: *Ада турда — чон таныыр, авт турда — чер көөр*⁸ ‘Отец с тобой — людей верней узнаешь, есть конь лихой — простор степей познаешь’⁹; *Авазы хүн болза, ачазы ай болур* ‘Если солнце — мать, отец — луна’¹⁰.

Наблюдается также использование отрицания при уподоблении — логические конструкции «без кого-либо — кто-либо» и «без кого-либо как без кого-либо — без кого-либо как без чего-либо»: *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* ‘Без отца — полусирота, без матери — круглый сирота’¹¹; *Ада чокта — эш чок, аьды чокта — бут чок дег* ‘Без отца как без друга, без коня как без ног’¹².

1.2. Сравнение через уподобление в двухчастной структуре.

Буура кырыыр, бодаган өзер ‘Верблюд состарится, верблюжонок вырастет’¹³. В данном случае имплицитно уподобляются родители (отец) и верблюд, дети (сын) и верблюжонок.

2. Сравнение через противопоставление.

Адазын дөзээр, иезин уктаар ‘Отца наследуют, матери подражают’¹⁴; *Ада кижиг оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр*¹⁵ ‘Павлин хвостом не накрутится, отец сыном налюбуется’¹⁶; *Кижиг төлүнге ынак, ыт коданынга ынак* ‘Человек любит своих детей, а собака — свой двор’¹⁷; *Оолдуг кижиг оя сөглээр, кыстыг кижиг кыя сөглээр*¹⁸ ‘Имеет сыновей — всю правду сразу скажет, имеет дочерей — намеками привяжет’¹⁹.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 48.

⁸ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

⁹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 47.

¹⁰ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 80.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 81.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 53.

¹⁷ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки ... С. 48.

3. Сравнение, выраженное сравнительной степенью прилагательного.

Алышкылар ынаа хая-даштан артык 'Любовь братьев крепче скалы'¹. В данном случае для абстрактного субъекта сравнения объектом сопоставления служит реалия неживой природы, отличающаяся твердостью и крепостью.

При двухчастном сравнении-уподоблении объект и субъект сравнения выделяются с помощью сравнительной степени прилагательного на приводимом фоне в каждой части паремии (для лучей солнца фоном служат облака, для глаз матери — глаза других людей; старший и младший в семье выделяются на общем фоне других членов семьи): *Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак* 'Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери милее'².

При четырехчастном сравнении-уподоблении можно наблюдать употребление превосходной степени прилагательного: *Авыралдыг чүве — ава, аянныг эди — сава* 'Самый благодетельный человек — мать, самая хорошая вещь — пиала'³.

4. Эксплицитно выраженное сравнение при помощи сравнительного союза встречается в тувинских пословицах о семье редко: *Ада орнун оол салгаар, аът орнун кулун салгаар* 'Место отца наследует сын, как жеребенок — коня'⁴; *Ада сөзү — дашка баскан таңма ышкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне'⁵.

В анализируемых паремиях тувинского языка можно выделить основные установки этнокультурного языкового сознания — общие и частные когнитивы.

Выделяются паремии о родственниках в целом — *төрөл* 'родня'. Эти единицы вербализуют такие когнитивы, как ожидание помощи от родственников в случае беды: *Аң түрээнде, турлаам дээр, кижиги түрээнде төрөлим дээр* 'Зверь в беде к тайге стремится, человек в беде к родне тянется'⁶; проявление истинного «лица» родни при пребывании в их доме родственников: *Аът багын мунуп билир, төрөл багын кирип билир* 'Хочешь узнать, хорош ли конь — объезжай, хочешь узнать, какова родня — заезжай'⁷. Образный параллелизм проявляется при соотнесении пословичных биномов «зверь — тайга» и «человек — родня»; «конь — объезжать» и «родня — заезжать» в четырехчастных по структуре паремиях. Поселение тувинцев-кочевников *аал* населяли многочисленные родственники, отдельные семьи жили в юртах, что нашло отражение в паремии *Төрөл багы — аал чуду, төл багы — өг чуду* 'С плохой родней — аалу позор, с плохим дитем — юрте позор'⁸.

Особое место в тувинских паремиях отводится важной роли родителей в семье. Родители метафорически сравниваются с опорой, такой же, как выращенный скот, называемый иным термином — тоже опорой, но в хозяйстве: *Ада-ие — даянгыш, азыраан малы — чөлөнгиши* 'Родители — опора, выращенный скот — опора'⁹.

Роль матери в жизни ребенка очень важна: *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, без матери — полный сирота'¹⁰. Но ребенку равным образом необходимы и мать, и отец, метафорически мать сравнивается с солнцем, отец — с луной, значимость отца оценивается с помощью метафоры «золото», а матери — «серебро». Отец дает жизнь, мать воспитывает ребенка трудолюбивым: *Ада сөзү — «амыдырал», ие сөзү — «ажыл-иш»*¹¹ 'Слово отца — жизнь, матери — труд'.

Образами, которым уподобляются родители в паремиях, являются зоонимы *конь* и *корова*. Об этом прямо заявляется в паремии: *Иезин «инээм» дээр, адазын «агдым» дээр* 'Мать сравнивают с коровой, а

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 15.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 82.

отца — с конем¹. Сфера хозяйственной деятельности матери — дом, двор, а отца — то, что находится за пределами двора: *Инээм өдээ — ием чурту, аьдым өдээ — адам чурту*² 'Навоз коровы — родина матери, навоз коня — родина отца' (Бредис и др., 2021: 154). Образный параллелизм *отец — конь* частотен для тувинских пословиц о семье, без отца в семье и без коня в хозяйстве жить трудно: *Ада чокта — эш чок, аьды чокта — бут чок дег* 'Без отца как без друга, без коня как без ног'³. Отец — тот человек, который вводит ребенка в мир взаимоотношений с людьми, конь позволяет передвигаться, познавать внешний мир за пределами дома: *Ада турда — чон таныыр, аьт турда — чер көөр*⁴ 'Отец с тобой — людей верней узнаешь, есть конь лихой — простор степей познаешь'⁵.

Ребенок тянется к отцу как козленок к сосцу матери: *Адазынга кызы чассыг, авазынга анай чассыг* 'Ребенок к отцу ластится, козленок к сосцу тянется'⁶. Отец наполняет ребенка гордостью, как хлеб сытостью: *Тараалыг кижиг тодуг, адаалыг кижиг чоргаар*. 'Человек с хлебом сыт, с отцом — горд'⁷. Отцовское слово столь же крепко и неизменно, как отпечаток на камне: *Ада сөзү — дашка баскан таңма ыкаш*. 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне'⁸. Отец — глава семьи, после смерти остаются его заветы: *Адазы өлүрге, оттуун алыр, адыг өлүргеш, өдүн алыр* 'Умирает отец — остается огниво, убивают медведя — берут желчь'⁹.

Мать сравнивается с пиалой — традиционной хозяйственно-бытовой реалией тувинского быта — чашей для питья: *Авыралдыг чүве — ава, аянный эди — сава*¹⁰ 'Самый благодетельный человек — мать, самая хорошая вещь — пиала'. Глаза матери сопоставляются с лучами солнца: *Булут аразындан хүн караа чылыг, Улус аразындан ава караа чымчак* 'Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери милее'¹¹. Дети столь же дороги для матери, как ценны черные соболя для охотника: *Авага ажы — төлү артык, аңчыга алды-киши артык* 'Матери дети дороги, охотнику черные соболя дороги'¹². Мать постоянно тревожится за детей, в то время как дети думают о внешнем мире, символом которого является степь: *Ава кижиг «төлүм» дээр, ажы — төлү «шөлүм» дээр* 'Думы матери о детях, мысли детей о степи'¹³.

Мать оказывает сильное влияние на воспитание дочери, а отец — сына: *Иелиг кыс шевер, Адалыг оол томаанныг* 'С матерью дочь — умелая, с отцом сын — послушный'¹⁴.

Патриархальный уклад традиционного тувинского быта обусловил тот факт, что связка «отец — сын» особым образом выделяется в тувинских пословицах: *Аьт өлүр, — баглаажы артар, Ада өлүр — оглу артар* 'Конь падёт, коновязь останется, отец умрет, сын останется'¹⁵; *Буура кырыыр, бодаган өзер* 'Верблюд состарится, верблюжонок вырастет'¹⁶; *Ада орнун оол салгаар, аьт орнун кулун салгаар* 'Место отца наследует сын, как жеребенок — коня'¹⁷; *Ада кижиг оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр*¹⁸ 'Павлин хвостом не накрашется, отец сыном налюбуется'¹⁹.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

⁵ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 47.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 28.

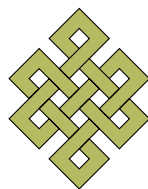
¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 53.

А. И. Егорова, А. П. Кондакова и М. А. Кужугет справедливо отмечают, что «в тувинских паремиях отражена тенденция к андрократии (патриархату), связанная с доминированием мужчин и подчинением женщин» (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020: 23).

Дети (*ажы-төл*) в тувинской семье — это «продолжатели рода, мерило семейного богатства, благополучия, залог счастливой старости для человека» (Ламажаа, 2015: 51). Отношения родителей и детей описываются тувинскими паремиями следующим образом: родителям всегда дороги дети: *Кижитөлүнге ынак, ыт коданынга ынак* 'Человек любит своих детей, а собака — свой двор'¹; *Куш уязынга ынак, кулун иезинге ынак* 'Птица гнездо бережет, человек — детей'². Положительная оценка дается и старшему, и младшему в семье, критерии такой оценки различны: *Улустуң улуу чагыглыг, уругнуң хеймери чассыг* 'Старший в семье всех мудрее, младший в семье всех милее'³. Детей нужно воспитывать правильно, излишняя похвала ни к чему хорошему не приведет: *Тоткан эник ээзин ээрер, доруккан оол иезин чаңчаар* 'Перекормлен щенок — на хозяина лает, перехвален сынок — он и мать обругает'⁴. Когда дети вырастают, и пора подумать об их вступлении в брак, наступает такая же хлопотная пора, как и при выращивании жеребят: *Кулун тудар — доозуннуг, куда дүжер — дүвүренчиг* 'Растить жеребят — забот много, женить ребят — хлопот много'⁵. При этом есть разница между родителями, у которых сыновья, и родителями, имеющими дочерей: *Оолдуг кижит өя сөглээр, кыстыг кижит кыя сөглээр* 'Имеющий сыновей прямо говорит, имеющий дочерей — намеками'⁶. Необходимо внимательно относиться к выбору будущей семьи для дочери, выходящей замуж: *Даиш каган черинге чыдар, кыс берген черинге олуар*⁷ 'Куда камень бросил — там он и лежит, куда ты отдал дочь — там век ей жить'⁸.

Дочь и сын сравниваются по их функции в хозяйстве семьи: *Кыс уруг ине-чүскүк дээр, оол уруг от-тук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с наперстком, сын — нож с огнивом'.

Лошади являются символом свободы передвижения, помогают раздвинуть пределы «своего» пространства, бык — символ своего хозяйства и одновременно агрессии, что отражено в паремии *Аскырылыг аалдың уруглары сонуургак болур, бугалыг аалдың уруглары кортук болур* 'Дочки аала, где есть жеребец — любопытны, где есть бык — трусливы'⁹.

Особо выделяется в тувинских паремиях ценность наличия братьев у ребенка: *Алышкылар адаарганчыг — арга-сүме чугаалажыр, акызы чок кээргенчиг — аткаар сояр, ишкээр сояр* 'Завидно на братьев смотреть: они соревнуются о путях-дорогах жизни, на одинокого жалко смотреть: то назад смотрит, то вперед'¹⁰. Данная паремия представляет собой текст с основным суждением — «завидно смотреть на братьев» и его аргументацией в виде образного осмысления целой ситуации, по терминологии Т. С. Зевахиной, с противопоставлением образа жизни и мыслей единственного ребенка в семье и братьев. В паремиях отмечается сила братской любви: *Алышкылар ынаа хая-даштан артык* 'Любовь братьев крепче скалы'¹¹.

Что касается сестёр, то им в сборнике «Пословицы и поговорки тувинского народа» посвящена только одна тувинская паремия, сопоставляющая старшую и младшую сестру: *Дуңмалыг кижит дыш, угбалыг кижит ус* 'У младшей сестры понежишься, у старшей сестры научишься'¹².

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 33.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 48.

⁹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 27.

Из кровных родственников в рассматриваемом сборнике тувинских паремий 2020 г. один раз фигурируют также дядя и племянник, между которыми существуют теплые чувства: *Даг көргенде, бөрү омак, даай көргенде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, а племянник рад, на дядю глядя'¹. Реализуются парные пословичные биномы «волк — чаша» и «племянник — дядя».

Из родственников по брачным связям выделяется зять, помогающий в хозяйственной жизни семьи, ему в анализируемом сборнике посвящены три паремии: *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, күдээ белен* 'Был бы зимник — скот найдется, была бы дочь — зять сыщется'²; *Хүн херелдиг, күдээ дузалыг* 'Солнце тепло дает, зять — подмогу'³; *Хүрең-дайның маңын көөр, күдээзиниң күжүн көөр* 'У лошади надо ход узнать, зятя надо на силу испытывать'⁴. Парно реализуемые пословичные биномы, создающие образность, следующие: «зимник — скот», «дочь — зять»; «лошадь — ход», «зять — сила»; «солнце — тепло», «зять — подмога».

Невестка является компонентом только одной компаративной паремии, предостерегающей от наговоров на нее: *Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр*⁵ 'Половодье размывает переправу реки, сплетня портит невестку'. Образно уподобляются половодье и противостоящие ему крепкие берега и наговоры, и терпеливая невестка. Один раз также фигурирует в паремиях свояк: *Бажа бажазынга ынак, өшкү хаязынга ынак* 'Сваяк любит свояка, козел любит скалу'⁶.

Отметим, что муж не фигурирует в компаративных тувинских паремиях рассматриваемого сборника, и только одна паремия сравнивает-уподобляет жену и скот, столь важную составляющую традиционного тувинского быта: *Кижиниң малы саарында таңмалыг кулаанда имниг, кижиниң кижизи салаазында билзектиг, кулаанда сыргалыг* 'Скот у хозяина имеет тамгу на боку, отметину на ушах, жена у мужа имеет кольцо на пальце, серьги на ушах'⁷. Основание уподобления эксплицитно не выражено, паремия предполагает наличие пресуппозиции⁸ у носителей языка, общей когнитивной базы. В языковом сознании тувинцев закреплено представление о том, что тамгу (клеймо, тавро) выжигали крупным животным, например, лошадям, а козам и овцам делали разной формы надрезы на ушах, чтобы пометить своих животных (Ондар, Бырынай, Тюлюш, 2021). Кольцо на пальце — символ брака, обета, данного мужу, серьги в ушах — подарок мужа жене.

Таким образом, в результате проведенного анализа данного корпуса тувинских компаративных паремий о семье можно сделать следующие выводы. Компарация в рассмотренных паремиях, главным образом, базируется на когнитивной операции уподобления, основывающейся, в свою очередь, на образном параллелизме частотных для тувинских пословиц и поговорок четырехчастных моделей. Одной из важных областей-источников метафорики ситуационных образов являются слова-реалии живой и неживой природы, окружающей носителей тувинского языка с детства и до глубокой старости: *хүн* 'солнце', *ай* 'луна', *шөл* 'степь', *тайга* 'тайга', *шыргай* 'чаша', *даш* 'камень', *хая* 'скала', *үер* 'половодье', *эрик* 'берег'. В тематической группе «природа» особо следует выделить зоонимы — наименования «своего», близкого человеку мира домашних животных, незаменимых в хозяйстве — *аът* 'конь', *инек* 'корова', *буга* 'бык', *хуна* 'козел', *теве* 'верблюд', *ыт* 'собака' и наименования диких животных, с которыми человек чаще всего сталкивался за пределами «своего» пространства (во время охоты, например) — *адыг* 'медведь', *киш* 'соболь', *куш* 'птица'. Особая значимость лошадей в тувинском традиционном быту обусловила частое использование в паремиях образов коня, лошади, жеребца, жеребенка. Одна из самых продуктивных метафорических моделей переноса «животное — человек» задействована при паремиологической характеристике отца и матери (отец — конь, мать — корова), а также родителей и детей в тувинских компаративных паремиях (конь — жеребенок, козел — козленок, собака — щенок, верблюд — верблюжонок). Акцентирование образов скота в компаративных паремиях обусловлено тем, что скот — это главный источник существования и основа традиционного хозяй-

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 107.

⁸ Пресуппозиция — предпосылка, уже существующее знание о предмете в сознании человека.

ства тувинцев. Другой, не менее важной сферой-источником метафор, являются хозяйственно-бытовые реалии: *аал* 'селение', *өг* 'юрта', *демдек* 'тамга', *оттук* 'огниво', *бижек* 'нож', *ине* 'иголка', *чүскүк* 'наперсток', *баглааш* 'коновязь', *шаажаң аяк* 'пиала'. Рассмотренные тувинские компаративные паремии о семье в большей степени описывают кровных родственников, особо выделяются родители (равным образом отец и мать) и отношение родителей к детям как к главной ценности.

Русские компаративные паремии о членах семьи

Из словаря В. И. Даля (1984) было отобрано 55 единиц компаративной структуры о родственниках, исключая мужа и жену¹.

С точки зрения моделей паремий, можно предложить следующую классификацию отобранных компаративных русских единиц. Самый объемный разряд составляют паремии, выражающие сравнение через противопоставление (24 единицы).

Чаще всего сравнение-противопоставление формально выражается сложным предложением с противительным союзом «а» или «да»: *Сватьев — не оберешься, свояков — не огребешься, а женского кумовства — до Москвы не перевешаешь; Чирий и в боку сидит, да не родня; У тороватого² дяди денег нет, а богатый скуп; Свекор — гроза, а свекровь выест глаза; В лесу медведь, а в доме мачеха и др.*

Противопоставление может выражаться логически в сложном бессоюзном предложении: *У тетки баловень племянник, у дяди племянница; Два брата на медведя, два свата — кисель; Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до века; Умный сын — отцу замена, глупый — не помощь; Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится; Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут.*

2. Эксплицитно выраженные сравнения являются вторым по объему разрядом русских компаративных паремий (21 единица).

В числе подобных паремий выделяются единицы со сравнительными союзами «как» и «что»: *Деревенская родня, как зубная боль (докучает); Зашел к куме да и засел, как в тюрьме; Свекровь на печи, что собака на цепи; Деверья впереди, что борзые кобели; Свекровь на печи, что сука на цепи; Тепло, да не как лето; добра, да не как мать; Нет такого дружка, как родная матушка; Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет; Плодятся и множатся, что голуби; Ребята, что мокрицы, от сырости разводятся (о бедняках); У ребят, что у зайчат: по два зуба; Родился сын, как белый сыр.*

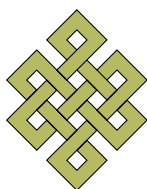
Отдельную группу в рассматриваемом разряде составляют паремии со сравнительной степенью прилагательного или наречия: *Больше баб в семье, больше греха; Духовное родство пуце плотского; Брат на брата — пуце супостата* (т. е. если враждуют); *Дочернины дети милее своих; Чем терять, так лучше б не (так не дай, Бог) рожать; Свой дурак дороже чужого умника; Всякому свое дитя милее. При этом вся паремия может быть построена на противопоставлении: Сыр калача белее, а мать мачехи милее; Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери; Хоть по-старому, хоть по-новому, а все отец старше сына.*

3. В отдельный разряд выделяются русские паремии, в которых родственники описываются при помощи метафор (10 единиц): *Сноха свекрови — битая полоса; Сынок — свой горбок; зятек — покупной щеголек; теща хлопочет, тесть кропочет; Мать праведна — ограда камня; Первые детки — соколятки, последние — воронятки; Блудный сын — ранняя могила отцу; Сын да дочь — домашние гости; Сын да дочь — день да ночь (и сутки полны); Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц; Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет; Дочь — чужое сокровище.*

4. Сравнение-уподобление (2 единицы). В отличие от тувинских паремий этот тип сравнения в русских паремиях встречается редко: *При солнце тепло, а при матери добро.* Как и в тувинском языке наблюдается также использование отрицания при уподоблении — логическая конструкция «без кого-либо — кто-либо», являющаяся полным эквивалентом тувинской пословицы: *Без отца — полсироты, а*

¹ Паремии о муже и жене не были включены в данную статью в силу их многочисленности в русском языке, что требует отдельного исследования.

² Тороватый — щедрый.

без матери и вся сирота. Можно отметить противопоставление-уподобление с отрицанием: *Чирий и в боку сидит, да не родня*.

Русские паремии говорят о родстве в целом, о родственных отношениях, о родственниках. Отмечается, что родство духа важнее и сильнее кровного родства: *Духовное родство пуце плотского*. Именно поэтому не так важна близость родства: *Чирий и в боку сидит, да не родня*. В последней паремии эта идея вербализуется через уподобление-сравнение родни и нарыва на теле. Родственники, проживающие в деревне, часто доставляют много хлопот своими просьбами и визитами в гости: *Деревенская родня, как зубная боль* (докучает).

Женщина в русских паремиях о семье считается носителем греха — чем больше женщин, тем больше греха: *Больше баб в семье, больше греха*.

Среди установок русского этнокультурного сознания, вербализованных в русских компаративных паремиях о семье, доминируют когнитивные, связанные с детьми. Дети даются Богом: *Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог дает*. Самое страшное несчастье — потеря ребенка: *Чем терять, так лучше б не (так не дай, Бог) рожать*. Дети часто умирали в младенчестве, философское отношение крестьян-носителей русского языка к этому выразилось в паремии: *Хороши ягоды с проторцем, а дети с проморцем*. Как ягоды требуют прорезживания, так и дети умирают не все, а некоторые из многих. Традиционные крестьянские русские семьи были многодетными: *Плодятся и множатся, что голуби*. Ср. ироничную паремию о бедняках: *Ребята, что мокрицы, от сырости разводятся*. Свои дети — самые лучшие и любимые: *Всякому свое дитя милее; Свой дурак дороже чужого умника*. Воспитание детей — дело не легкое: *Детушек воспитать — не курочек пересчитать (переципать)*. Паремии сравнивают отношение к старшим и младшим детям в семье: *Первые детки — соколятки, последние — воронятки*. Сопоставлению подвергаются трудности, связанные с маленькими и подростками детьми: *Маленькие детки — маленькие бедки, а вырастут велики — большие будут; Малые дети съест, а большие износить не дадут; Малые соткать, а большие износить не дадут; Малые дети не дают спать, большие не дают дышать; С малыми детками горе, с большими вдвое*. Паремии фиксируют внешность маленьких детей: *У ребят, что у зайчат: по два зуба*. Внуки вызывают больше любви, чем дети: *Дочернины дети милее своих*.

Как и в тувинских паремиях, в русских единицах особо выделяется сын. Свой сын, особенно первенец, всегда красавец для родителей: *Родился сын, как белый сыр*. Ср. образное имплицитное сравнение: *У всякого первенец родится: во лбу светлый месяц, за ушами ясны звезды*. Сын противопоставляется зятю, как родственник по крови: *Сынок — свой горбок; зятек — покупной щеголек*. Семья должна быть многодетна: *Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын*. Сыновья бывают разные: *Блудный сын — ранняя могила отцу; Умный сын — отцу замена, глупый — не помощь*. Сын и дочь составляют счастье родителей, для их описания используются природные образы: *Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц*. Они дополняют друг друга, делают семью полной: *Сын да дочь — день да ночь (и сутки полны)*. Хотя оба ребенка дороги родителям, растут в одной семье: *Сын да дочь — домашние гости, между ними есть разница: сын останется с родителями, а дочь выйдет замуж и уйдет жить в другую семью: Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет; Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится; Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут; Дочь — чужое сокровище*.

Что касается родителей, то в компаративных паремиях русского языка выделяется мать. Как и в тувинских паремиях, отмечается, что без матери жить труднее, чем без отца: *Без отца — полсироты, а без матери и вся сирота*. Доброта матери уподобляется теплу солнца, мать — это друг, защита — ограда каменная, только мать печалится о своем ребенке до конца своих дней: *При солнце тепло, а при матери добро; Нет такого дружка, как родная матушка; Мать праведна — ограда камена; Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку*. Мать — самый близкий человек в семье: *Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери*. Родная мать сравнивается с мачехой и противопоставляется ей: *Сыр калача белее, а мать мачехи милее; Тепло, да не как лето; добра, да не как мать; В лесу медведь, а в дому мачеха; Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь; Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет*. Сирота сравнивается с горохом, горох каждый может сорвать, сироту каждый может обидеть: *Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет*.

Из кровных родственников в русских компаративных пословицах, как и в тувинских, выделяются братья. Братья сильны, когда действуют заодно, вместе преодолевают трудности. При этом братья противопоставляются сватам. Если братья вместе могут решить сложную проблему, то сваты только могут разделить трапезу: *Два брата на медведя, два свата — кисель*. Отдельная паремия фиксирует

неприемлемую для русского языкового сознания ситуацию вражды братьев, в таком случае братья становятся хуже врагов: *Брат на брата — пуще супостата*.

Как и в тувинских поговорках, в русских компаративных пословицах и поговорках фигурируют дядя, тетя, племянник и племянница. Племянник ближе к тете, племянница — к дяде: *У тетки баловень племянник, у дяди племянница*. Противопоставляются-сравниваются щедрый, но бедный дядя и богатый, но скупой: *У торватого дяди денег нет, а богатый скуп*.

Из родственников по брачным связям выделяются свекровь, кума и деверь. Свекровь оценивается исключительно отрицательно, сравнивается с собакой на цепи, она третирует сноху: *Свекровь на печи, что собака на цепи; Сноха свекрови — битая полоса*. Свекровь более жестока в своем обращении с невесткой, нежели свёкор: *Свекор — гроза, а свекровь выест глаза*. Свекровь ставится в один ряд с деверями: *Деверья впереди, что борзые кобели; свекровь на печи, что сука на цепи*. В данных поговорках выражена женская точка зрения, а именно взгляд невестки.

Кума в русских поговорках выступает как символ общительности, женской болтливости, особо выделяется кумовство как очень распространенное массовое явление, выделяющееся на фоне даже так же распространенного общения сватъев и свояков: *Зашел к куме да и засел, как в тюрьме; Сватъев — не оберешься, свояков — не огребешься, а женского кумовства — до Москвы не перевешаешь*. Паремии о куме и кумовстве вербализуют мужскую точку зрения.

Таким образом, в рассмотренных русских компаративных паремиях особо маркируются дети как самое большое богатство и ценность, выделяется также роль матери в противопоставлении мачехе, сын, который сравнивается с дочерью, как «чужим сокровищем», братья, которые сильны своим единством. Маркированной оказывается также свекровь, наделяемая отрицательной оценкой, как символ чрезмерной общительности выделяется кума. Для создания образности при характеристике детей и матери используются природные реалии — *солнце, месяц, звезды, день, ночь, зоонимы рыба, утка, голуби, мокрицы, курочки, соколятки, воронятки, зайчата, медведь, сука, кобель*. Фитонимы используются в меньшей степени — *горох, ягоды*. Из хозяйственно-бытовых реалий можно назвать *печь, каменную ограду, наименования продуктов питания — белый сыр, кисель*. Для отрицательной характеристики докучливой родни и родственников, не отличающихся теплым отношением, используются наименования болезней и болезненных проявлений — *зубная боль, чирый*.

Шведские компаративные паремии

К анализу было привлечено 22 шведских компаративных паремии о семье и родственниках из собраний Ф. Стрёма¹ и П. Хольма².

С точки зрения структурной организации, наиболее объемный разряд компаративных паремий шведского языка о семье составляют единицы, в которых сравнение выражено эксплицитно. На втором месте по количеству находятся паремии, вербализующие сравнение через противопоставление, на третьем — паремии, выражающие рядоположенность субъектов сравнения, и только одна паремия построена на уподоблении.

1. Эксплицитно выраженное сравнение (12 единиц).

1.1. Паремии со сравнительным союзом *som* 'как': *Så höjes barn av börd som hjort av horn*. 'Дети возносятся от своего происхождения как олень от рогов'; *Mors och fars bannor äro som andras kakor*. 'Брань от родителей — как пирожные от других'; *Stuvmor är ofta mot barn som salt i surt öga*. 'Мачеха для детей часто как соль в раздражённом глазу'; *Få äro som far, ingen som mor*. 'Немногие как отец, никто как мать'; *En flicka utan moder är som en skuta utan roder*. 'Девушка без матери — как шхуна без руля'.

1.2. Паремии, построенные по модели «лучше..., чем...»: *Det är bättre att vara enda barnet än enda hästen*. 'Лучше быть единственным ребёнком, чем единственной лошастью'; *Bättre barnet gråter, än fadern*. 'Лучше пусть плачет ребёнок, чем отец'; *Bättre att barn gråter än modern suckar*. 'Лучше пусть ребёнок плачет, чем мать вздыхает'; *Bättre att barnet jämrar sig över föräldrar än föräldrar över barnet*. 'Лучше пусть ребёнок жалуется на родителей, чем родители на ребёнка'; *Bättre att barnet gråter än fadern tages*. 'Лучше

¹ Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm: Bokförlaget Prisma. 1929.

² Holm P. 3530 ordspråk och talesätt. Stockholm: Bonnier fakta. 1984.

пусть ребёнок плачет, чем отца арестуют'; *Bättre ett barn än en kalv*. 'Лучше ребёнок, чем телёнок'; *Det är bättre att barnen sitta på föräldrarnas bänk än föräldrarna på barnens*. 'Лучше детям сидеть на родительской скамье, чем родителям на скамье у детей'.

2. Сравнение через противопоставление (5 единиц): *Små barn trampa modern på knät, stora barn trampa henne på hjärtat*. 'Маленькие дети наступают матери на колени, а большие — на сердце'; *Man skall icke kasta ut barnet med batvatten och icke hustrun med julgranen*. 'Нельзя выбрасывать ребёнка с водой, а жену с рождественской ёлкой'; *Kärt barn har många namn, men kungens har fler*. 'У любимого ребёнка много имён, но у королевского больше'; *Vis son är sin fars fröjd, elak son sin mors sorg*. 'Мудрый сын это радость для отца, злой сын — горе для матери'; *Klok son sparar om sommaren, skamlös son sover om hösten*. 'Умный сын экономит летом, бессовестный сын спит осенью'.

3. Сравнение через рядоположенность (4 единицы). Паремии с рядоположенностью — это такие компаративные единицы, в которых к нескольким субъектам (которые говорящий считает возможным сопоставлять), в том числе к наименованию родственника, члена семьи, прилагается один предикат: *Barn och hundar stänga aldrig dörrarna*. 'Дети и собаки никогда не закрывают двери'; *Vrångt barn och osande spis är fan så svårt att stå ut med*. 'Непослушного ребёнка и чадающую плиту ужасно тяжело вынести'; *Av barn och dårar får man höra sanningen*. 'От детей и сумасшедших можно услышать правду'; *Små barn och fulla karlar aktar vår Herre från stötar (de faller mjukt)*. 'Маленьких детей и пьяных мужиков наш Господь бережёт от ударов (они падают мягко)'.

4. Уподобление (1 единица): *Ger man grisen, när den grymtar, och barnet, när det gråter, får man fager gris och fult barn*. 'Если давать свинье, когда она хрюкает, и ребёнку, когда он плачет, то получится хорошая свинья и плохой ребёнок'.

В шведском языковом сознании, как в тувинском и русском, дети — главная ценность в семье. Большинство шведских компаративных паремий посвящено детям. Как и в русских паремиях, противопоставляются маленькие и подростки: *Små barn trampa modern på knät, stora barn trampa henne på hjärtat*. 'Маленькие дети наступают матери на колени, а большие — на сердце'. Потакать детским капризам нельзя: *Ger man grisen, när den grymtar, och barnet, när det gråter, får man fager gris och fult barn*. 'Если давать свинье (что она захочет. — Е. З., А. А.), когда она хрюкает, и ребёнку, когда он плачет, то получится хорошая свинья и плохой ребёнок'. В данной четырехчастной паремии присутствует образный ситуационный параллелизм. Но в отличие от тувинских паремий в первой части шведской единицы содержится одинаковый посыл, одно и то же условие (давать то, что хочет субъект — ребенок и свинья), следствия из этого условия во второй части паремиологической единицы получаются разными для двух сравниваемых субъектов (хорошая свинья и плохой ребенок). Рядоположенность, как один из типичных принципов построения шведских паремий, вытекающий из многолетних наблюдений носителей языка за окружающей действительностью, позволяет находить общие черты в, казалось бы, совершенно разных субъектах сравнения — детях и собаках: *Barn och hundar stänga aldrig dörrarna*. 'Дети и собаки никогда не закрывают двери'; ребенку и чадающей плите: *Vrångt barn och osande spis är fan så svårt att stå ut med*. 'Непослушного ребёнка и чадающую плиту ужасно тяжело вынести'; детей и сумасшедших: *Av barn och dårar får man höra sanningen*. 'От детей и сумасшедших можно услышать правду'; маленьких детей и пьяных мужиков: *Små barn och fulla karlar aktar vår Herre från stötar (de faller mjukt)*. 'Маленьких детей и пьяных мужиков наш Господь бережёт от ударов (они падают мягко)'.

Многие шведские паремии ироничны: *Det är bättre att vara enda barnet än enda hästen*. 'Лучше быть единственным ребёнком, чем единственной лошастью'; *Kärt barn har många namn, men kungens har fler*. 'У любимого ребёнка много имён, но у королевского больше'; *Bättre ett barn än en kalv*. 'Лучше ребёнок, чем телёнок'.

Как и в рассмотренных тувинских и русских паремиях, важная роль в шведских компаративных паремиологических единицах отводится родителям. Родители противопоставляются другим людям: *Mors och fars bannor äro som andras kakor*. 'Брань от родителей — как пирожные от других'. В шведских паремиях подчеркивается важность отца и незаменимая роль матери в семье: *Få äro som far, ingen som mor*. 'Немногие как отец, никто как мать'; *En flicka utan moder är som en skuta utan roder*. 'Девушка без матери — как шхуна без руля'. Мать имплицитно противопоставляется мачехе: *Stuvmor är ofta mot barn som salt i surt öga*. 'Мачеха для детей часто как соль в раздражённом глазу'.

Важной когнитивной¹ шведских паремий является воспитание детей в строгости, для того чтобы

¹ Когнитивная — пропозициональная единица знания, меньшая, чем пословица.

родителям не пришлось стыдиться в будущем: *Bättre barnet gråter, än fadern*. 'Лучше пусть плачет ребёнок, чем отец'; *Bättre att barn gråter än modern suckar*. 'Лучше пусть ребёнок плачет, чем мать вздыхает'; *Bättre att barnet jämrar sig över föräldrar än föräldrarna över barnet*. 'Лучше пусть ребёнок жалуется на родителей, чем родители на ребёнка'; *Bättre att barnet gråter än fadern tages*. 'Лучше пусть ребёнок плачет, чем отца арестуют'.

Народная мудрость говорит о том, что гораздо лучше то время, когда дети маленькие и растут в родительском доме, чем когда старые родители живут в доме взрослых детей: *Det är bättre att barnen sitta på föräldrarnas bänk än föräldrarna på barnens*. 'Лучше детям сидеть на родительской скамье, чем родителям на скамье у детей'.

Как и в проанализированных паремиях тувинского и русского языков, в рассматриваемых шведских паремиологических единицах выделяется сын. При этом, как и в русском языке, в шведских компаративных паремиях противопоставляются разные сыновья — мудрый (умный) сын и злой, бесовестный: *Vis son är sin fars fröjd, elak son sin mors sorg*. 'Мудрый сын — это радость для отца, злой сын — горе для матери'; *Klok son sparar om sommaren, skamlös son sover om hösten*. 'Умный сын экономит летом, бесовестный сын спит осенью'.

Исходя из результатов анализа шведских компаративных паремий о семье, представленных в рассматриваемых корпусах, можно сделать вывод о том, что они в целом более категоричны, чем тувинские и русские. В шведских единицах преобладает эксплицитно выраженное сравнение, категоричности шведских паремий во многом способствует частотная конструкция «лучше..., чем...». В структуре суждения обращает на себя внимание большое количество глаголов: *att gråta* 'плакать', *att jämra sig* 'жаловаться', *att trampa* 'наступать', *att sitta* 'сидеть', *att taga* 'арестовать', *att sucka* 'вздыхать' и др., что создает динамичность ситуации. Для создания образов привлекаются зоонимы: *en hjort* 'олень', *en hund* 'собака', *en kalv* 'теленоч', *en häst* 'лошадь', *ett svin* 'свинья'; хозяйственно-бытовые реалии: *en bänk* 'скамья', *en osande spis* 'чадящая плита, соль', появление образа шхуны обусловлено тем, что Швеция — морская страна. Для формирования образа через противопоставление и рядоположение используются наименования лиц: *dårar* 'сумасшедшие', *fulla karlar* 'пьяные мужики', *små barn* 'маленькие дети', а также наименования свойств личности: *vis* 'мудрый', *klok* 'умный', *skamlös* 'бесовестный', *arg* 'злой'. Это создает более реалистичную образность шведских компаративных паремий.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. В тувинских компаративных паремиях о родственниках из собрания Б. К. Будупа (2020) преобладает сравнение-уподобление, проявляющееся в наиболее частотных и типичных для тувинских паремий четырехчастных структурах, отличающихся образным параллелизмом. Для русских компаративных паремий о членах семьи из собрания В. И. Даля (1984) более характерно сравнение-противопоставление, а для шведских — эксплицитно выраженное сравнение с помощью сравнительных союзов и степеней сравнения прилагательных и наречий. При этом в шведских паремиях, присутствующих в словарях Ф. Стрёма (1929) и П. Хольма (1984) выделяется такая специфическая модель, как сравнение через рядоположенность субъектов сравнения.

Общими когнитивными всеми проанализированных паремий трех лингвокультур являются следующие: «дети — главная ценность семьи», «родители — основа семьи», «братское единство очень важно». Частными этноспецифическими когнитивными являются такие, как «особая взаимосвязь отца и сына» в тувинских паремиях, «дочь — чужое сокровище» в русских и «воспитание детей в строгости, для того чтобы родителям не пришлось стыдиться в будущем» в шведских единицах. В тувинских паремиях описываются главным образом кровные родственники в отличие от русских паремий. Шведские паремии отличаются наибольшей категоричностью. Области-источники метафоричности ситуационных образов паремий всех трех языков в целом совпадают: слова-реалии природы, хозяйственно-бытовые реалии. Однако в тувинских паремиях особо выделяются конь, лошадь, скот в целом, очень важные для традиционного тувинского быта, национально-специфическими являются такие реалии, как аал, юрта, пиала. Особенности географического положения Тувы обусловлены образы тайги и степи в паремиях, Швеции — образ шхуны.

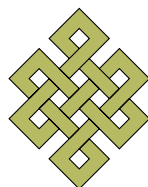

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что гипотеза о наличии частных когнитивных, присущих конкретному этноязыковому сознанию, нашла подтверждение при анализе паремиологического материала трёх рассмотренных языков. Перспективы дальнейшего исследования компаративных паремий видятся в рассмотрении других тематических групп пословиц и поговорок тувинского языка на иноязычном фоне (дом, трудовая деятельность, черты характера человека и др.). Это даст возможность уточнить выводы, сделанные в данной статье, а также составить целостное представление об общих закономерностях и этноязыковых различиях данного паремиологического разряда. Материал исследования может быть также расширен за счёт привлечения большего числа лексикографических источников паремиологического материала тувинского, русского и шведского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алёшин, А. С., Зиновьева, Е. И. (2020) Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 1. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21> 06
- Биктагирова, З. А. (2006) Лингвокультурологические особенности паремий о семье (на материале английско-го, турецкого и татарского языков) // Вестник Чувашского университета. № 5. С. 107–112.
- Биктагирова, З. А. (2007) Концепт «родня» в английской, турецкой и татарской паремиологии // Ученые записки Российской международной академии туризма (казанский филиал): в 2 т. Казань : Изд-во «Юнивероун». Т. 3. 259 с. С. 170–181.
- Борисова, З. И. (2017) Образ родственников в пословичной картине мира (на примере русского, якутского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 11–13.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Галимуллина, Р. И., Шаймарданова, М. Р. (2018) Лингво-когнитивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в татарском, русском и английском языках // Современные исследования социальных проблем. Т. 10. № 4. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Зевахина, Т. С. (2002) Паремиологические единицы в дунганском и китайском языках: параметризация, эксперимент, базы данных // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 21. 296 с. С. 90–105.
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребёнок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.
- Лихун, Г., Абдуллаева Ф. Э. (2020) Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец — сын) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 22 (4). С. 1061–1068. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068>
- Ондар, Ч. Г., Бырыннай, С. Л., Тюлюш, А. Ч. (2021) Тамгопользование в культуре тувинцев: древность, традиционность и современность // Новые исследования Тувы. № 1. С. 107–130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>
- Семененко, Н. Н. (2010) Лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. № 24 (95). Вып. 8. С. 58–67.
- Серегина, М. А. (2016) Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 19–25. DOI: [10.20916/1812-3228-2016-1-19-25](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25)

Дата поступления: 06.08.2021 г.

REFERENCES

- Aleshin, A. S. and Zinov'eva, E. I. (2020) Ustoichivye vyrazheniia komparativnoi struktury: lingvokognitivnyi aspekt (na materiale russkogo i shvedskogo iazykov) [Set phrases of comparative structure: linguo-cognitive aspect in the Russian and Swedish languages]. *Bulletin of RUDN. Language theory. Semiotics. Semantics*, vol. 11, no. 1, pp. 7–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21>
- Biktagirova, Z. A. (2006) Lingvokul'turologicheskie osobennosti paremii o sem'e (na materiale angliiskogo, turetskogo i tatarskogo iazykov) [Linguistic and cultural features of family-related paremias: the cases of English, Turkish and Tatar languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 5, pp. 107–112. (In Russ.).
- Biktagirova, Z. A. (2007) Kontsept «rodniia» v angliiskoi, turetskoi i tatarskoi paremiologii [The concept of 'family relations' in English, Turkish and Tatar paremiology]. In: *Uchenye zapiski Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma (kazanskii filial)*: in 2 vols. Kazan', Yuniveroun. Vol. 3. 259 p. Pp. 170–181. (In Russ.).
- Borisova, Z. I. (2017) Obraz rodstvennikov v poslovichnoi kartine mira (na primere russkogo, iakutskogo iazykov) [The imagery of 'family relations' in the proverbial picture of the world: the case of Russian and Yakut languages]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 11–13. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguo-culturological commentary as compared to European paremias]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Galimullina, R. I. and Shaimardanova, M. R. (2018) Lingvo-kognitivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v tatarskom, russkom i angliiskom iazykakh [Lingvo-cognitive study of the paremiological units with a zoonym component in the Tatar, Russian and English languages]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 10, no. 4, pp. 62–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorokakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Zevakhina, T. S. (2002) Paremiologicheskie edinitsy v dunganskom i kitaiskom iazykakh: parametrizatsiia, eksperiment, bazy dannykh [Paremiological units in the Dungan and Chinese languages: parametrization, experiment, and databases]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]* : a collection of articles / ed. by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov. Moscow, MAKS Press. Issue 21. 296 p. Pp. 90–105. (In Russ.).
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Kuzhuget, Sh. Iu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovo-kartine mira tuvintsev [The concept of törel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture.]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok i detstvo v tuvinskoi kul'ture: traditsii i sovremennost' [The child and childhood in the Tuvan culture: traditions and modernity]. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.).
- Likhun, G. and Abdullaeva F. E. (2020) Propozitsional'no-freimovyi analiz semantiki poslovits v russkom i kitaiskom iazykakh (na materiale freima otets — syn) [Propositional frame-based analysis of the semantics of proverbs of the Russian and Chinese languages: the Father—Son frame]. *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 22, no. 4, pp. 1061–1068. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068>
- Ondar, Ch. G., Byrynnai, S. L. and Tyulyush, A. Ch. (2021) Tamgopol'zovanie v kul'ture tuvintsev: drevnost', traditsionnost' i sovremennost' [The uses of tamga in Tuvan culture: Antiquity, traditionalism and modernity]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 107–130. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>
- Semenenko, N. N. (2010) Lingvokognitivnyi aspekt problemy vyrazheniia etnoiazikovogo soznaniia v semantike paremii [Linguocognitive aspect of expressing ethno-linguistic consciousness in the semantics of paremias]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriiia Gumanitarnye nauki*, no. 24 (95), issue 8, pp. 58–67. (In Russ.).
- Seregina, M. A. (2016) Paremiia kak forma predstavleniia znaniia naroda v iazyke: kognitivno-strukturnyi aspekt [Paremiias as a form of representing people' knowledge by means of language: the cognitive-structural aspect]. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).

Submission date: 06.08.2021.